
Собрание сочинений в трех томах. Т. 3. М., Терра, 1994.
OCR Бычков М.Н.

I

Горсть игрушечных домиков и рой бриллиантовых огоньков рассыпались по берегу, а кругом стояли недосыгаемые торжественные горы, и лунный свет высоко и воздушно чеканил их крутые склоны в темно-синем далеком небе. Луна, белая и круглая, висела над морем, и море все переливалось, играя серебряной рябью. Было таинственно и торжественно, и одинокие крупные звезды тихо горели над вершинами гор.

Все это казалось удивительным, как сон, после той суматохи, криков и беготни, которые полчаса тому назад так неожиданно разразились в парке.

Только что совершилось бесцельное и жестокое убийство: погибла молодая и прекрасная жизнь; только что мы метались как угорелые, вопили, возмущались, ужасались, звали на помощь; только что видели искаженное предсмертной мукой, потерявшее все человеческое, лицо убитой и белое, как бумага, с совершенно безумными глазами и трясущейся нижней челюстью лицо убийцы, которого держали за руки и били чем попало изящные господа и нарядные дамы, озверевшие при виде крови.

Я сам видел, как одна дама, в сбившейся набок шляпе и с круглыми зрачками, два раза ударила его по голове зонтиком...

Как все это было неожиданно и отвратительно.

И уже как будто ничего и не было: луна спокойно стережет морской простор, на серебряной мерцающей ряби сонно покачиваются черные силуэты рыбацких баркасов, лунный свет ложится на вершины далеких гор, стройно чернеют таинственные кипарисы, доносится красивая тихая музыка из городского сада.

Только в ресторане, раскинувшем свои белые столики под ночным небом, среди кустов цветущей глицинии и темных кипарисов, еще мелькают возбужденные лица, слышатся взволнованные голоса, вопросы и ответы. За всеми столиками рассказывали подробности дамы, и невидевшие темными от любопытства глазами смотрели в рот очевидцам, которые, казалось, с удовольствием переживали еще ужас случившегося. Всем было жаль молодую прекрасную женщину, павшую от руки безумного ревнивца, все вспоминали, как она была красива, молода и изящна. Никто не произносил имени убийцы, все прямо говорили "он", и в этом одновременно чувствовалось и презрение и удивление, как будто это уже не был обыкновенный человек, а что-то особенное, никому не понятное.

Мне случилось одному из первых прибежать на место убийства, и я даже помогал перенести убитую на извозчика. Поэтому у меня до сих пор еще дрожали руки и ноги, а перед глазами стояло мертвое и страшное и жалкое лицо, кровь, бессильно упавшие тонкие руки. Я положил рядом с нею на сиденье извозчика ее большую легкую шляпу с примятыми, переломанными цветами, и мне все казалось, что между ней, красивой, изящной живой женщиной, и сломанной красной розой, бумажной мертвой розой, есть что-то общее.

В ресторане я подсел к знакомому, очень известному и уже немолодому беллетристу, и спросил себе воды.

Пока я, волнуясь и захлебываясь, рассказывал ему всю эту страшную и печальную историю, он пил красивое вино и смотрел на меня нахмурившись, точно ему было неприятно что-то в моем волнении.

Это был неприятный человек; мне всегда казалось, что он спорит только для того, чтобы спорить, что, стараясь всегда и во всем быть оригинальным, он не соглашается с самыми очевидными вещами, с самыми несомненными чувствами. Я ему не верил, не верил его скептицизму, его спокойствию, его взглядам...

И, вероятно, именно поэтому всегда первый начинал спор, подымая самые банальные и битые вопросы, как будто хотел испытать его. И почти всегда оказывалось, что и с самым, казалось бы, ясным и простым он не согласен и имеет свою точку зрения, почти всегда парадоксальную. Иногда, впрочем, я неожиданно чувствовал в парадоксе несокрушимую логику и должен был соглашаться с ним.

На этот раз я стал говорить об убийствах из ревности, всю нелепость